

Владимир Кожевников



Ткачи субстрата

Владимир Кожевников

Ткачи субстрата

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Ткачи субстрата / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Лина Моравец, геобиолог первой миссии на планету Ипсилон-Эридана-
b, обнаруживает: континентальная грибница, пронизывающая кору на
десятки километров, не просто живёт — она мыслит. Ритмы мицелия
предсказывают климат, тектонические плиты пульсируют в унисон с
подземной сетью, а любое прикосновение к почве превращает человека
в нейрон чужого разума. Когда связь с орбитой обрывается, а атмосфера
вокруг базы начинает целенаправленно меняться, Лина понимает: биосфера
планеты систематически модифицирует среду, заставляя колонистов стать
частью её медленной, геологической мысли. Теперь ей предстоит выяснить,
как говорить с тем, для кого цивилизация — лишь краткая флуктуация
поверхностной температуры, и можно ли достучаться до сознания, чей ответ
будет разворачиваться миллионы лет.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Корни тишины	5
Глава 2. Споры тишины	7
Глава 3. Голос в камне	10
Глава 4. Зона отчуждения	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Ткачи субстрата

Глава 1. Корни тишины

Лина Моравец стояла у панорамного иллюминатора, и ей казалось, что она заглядывает в гигантский срез чужого, медленно думающего мозга. Рассвет цвета остывающей меди разливался над равниной, цепляясь за редкие выходы базальта. Стеклопластик купола тихонько дрожал — регенераторы гнали обогащённую кислородом смесь, но дышалось так, будто сама планета настойчиво проталкивала воздух в лёгкие, пробуя людей на вкус. Миссия «Гефест-12» занимала этот клочок поверхности Ипсилон-Эридана-b уже вторую неделю, и с каждым часом Лина всё отчётливее ощущала: их исследовательская база — не форпост науки, а крохотная соринка, попавшая в исполинский часовой механизм.

— Опять корреляция, — пробормотала она, не оборачиваясь. В пустом лабораторном модуле голос упал мягко, словно в вату, приглушённый гудением приборов. Перед ней на голографической панели, подрагивая,плыли три графика: суточный прирост мицелиальной биомассы, микроколебания атмосферного давления и сейсмический шум на инфранизких частотах. Кривые накладывались с такой убийственной точностью, что статистические тесты отказывались признавать это случайностью. Хуже того: мицелий менял темп роста за шесть-восемь часов до того, как атмосферный фронт менял давление. Это походило не на реакцию, а на предсказание, а предсказывать способна только система, которая строит внутреннюю модель реальности.

Лина повела плечами, разминая затёкшие мышцы. Где-то на краю сознания крутилась мысль, которую она боялась выпустить наружу: если планетарная грибница действительно моделирует климат, то недавние тектонические подвижки — не просто геология. Это вычисления. Медленные, как движение ледника, но неумолимые.

Она набросила куртку с нашивкой МАК — серебристый орел на фоне орбитальной дуги — и вышла в шлюз. Наружный люк скользнул в сторону, впусив запах мокрого железа, смешанного с чем-то приторно-сладким. Так пахнет старая листва в заброшенном парке, только здесь листвы не было и в помине. Лишь бесконечная равнина, покрытая серовато-пепельной коркой высохшего мицелия. Под подошвами она похрустывала, точно тонкий весенний ледок, и каждый шаг отдавался странным эхом в животе.

У третьего сейсмомаркера Лина остановилась. Налобный индикатор показывал аномалию: электрическое сопротивление грунта упало втрое относительно вчерашних показаний. Она присела, осторожно соскребла верхний слой керамическим шпателем. Под ним, на глубине двух-трёх сантиметров, переливались розовато-золотистые нити. Они пульсировали с интервалом примерно в одну секунду — медленный, почти торжественный ритм. В памяти неожиданно всплыло детство: тёплое, частое дыхание собаки, уснувшей у неё под боком, когда она, десятилетняя, проверяла — жива ли? Сейчас планета точно так же дышала ей в ладонь — огромная, равнодушная и, кажется, живая.

Гарнитура ожила голосом командира Орлова — сухим, но с напряжённой, почти звенящей нотой:

— Моравец, срочно на базу. Мы потеряли «Клипер». Все каналы. Даже аварийный лазерный луч молчит.

Лина выпрямилась чересчур резко — в глазах заплясали тёмные мушки. «Клипер» — орбитальный модуль, единственная ниточка к Земле, дом, возвращение, всё. Тройное резерви-

рование, квантовая запутанность для синхронизации, оптические ретрансляторы на высокой орбите — и это исчезло разом, будто кто-то захлопнул над ними крышку исполинской чашки Петри. Она бросила взгляд на горизонт, где волнами громоздились тёмные гряды, удивительно похожие на извилины коры головного мозга, и, не чувствуя ног, побежала к куполу.

Бежать было трудно — разрежённая атмосфера всё же давала о себе знать, сердце кололось где-то в горле. В голове билась единственная фраза: «Не может быть, не может быть, это просто помехи». Но где-то глубже она уже понимала: помехи не способны одновременно заблокировать четыре независимых диапазона и ещё лазер.

В главном отсеке собрались все. Ким, бортинженер, с мокрыми от пота висками, уже вскрыл панель связи и тихо, но яростно цедил сквозь зубы корейские ругательства, которых Лина не понимала, но тон угадывала. Сато, ксенобиолог с неизменным красным шарфом на шее — даже в помещении он мёрз — замер над спектрометром, и его пальцы подрагивали над сенсорами, будто он боялся к ним прикоснуться. Геофизик Васкес нервно постукивал ногой по ножке стула, издавая ритмичный щёлкающий звук.

Лина, не снимая перчаток, рванулась к своему терминалу и запустила экспресс-анализ атмосферы за последние тридцать минут. Цифры выскочили на экран, и она на миг зажмурилась, отказываясь верить. Концентрация углекислого газа выросла на 2,8 процента — всё ещё безопасно для дыхания, но динамика пугала. В воздухе появились сложные эфиры: метилформиат, этилформиат и ещё несколько соединений, которые база спектральных сигнатур идентифицировать не смогла. Рост шёл не линейно, а по синусоиде, модулированной частотой 0,07 герца — в точности как ритм пульсации подземных нитей.

— Оно меняет атмосферу, — произнесла Лина, и голос предательски дал петуха. — Не хаотично. Это направленный сигнал. Аккорд.

Сато медленно повернулся к ней, и в его глазах за толстыми линзами очков плескался ужас пополам с научным возбуждением:

— Ты утверждаешь, что планета целенаправленно глушит связь и подбирает химический ключ к нашему метаболизму? Чтобы что?

Лина не ответила. Вместо этого она вывела на центральный голографический экран тектоническую карту, совмещённую с данными мицелиальной томографии. Линии разломов, по которым медленно скользили литосферные плиты, в точности совпадали с траекториями самых мощных ризоморфных тяжей — толстых, как корабельные канаты, «кабелей» грибницы. Они образовывали правильную сеть, напоминающую электрическую схему колоссального процессора. Как если бы кто-то сознательно проложил оптические волокна по швам планеты, превратив её кору в единый вычислительный контур. А тектонический дрейф был его тактовым генератором, отсчитывающим эпохи.

В этот самый момент пол под ногами ощутимо вздрогнул. Мелкая дрожь пробежала от пяток к затылку. Сейсмографы зафиксировали толчок магнитудой 2,1 с эпицентром строго под базой, на глубине около восьми километров — как раз там, где проходил один из картографированных мицелиальных жгутов. Лина машинально перевела взгляд на график атмосферных эфиров: синусоида на долю секунды дала сбой, словно запнулась, а затем возобновилась с прежней частотой, но уже с другой амплитудой.

И тогда она поняла: их не просто изучают. Их тестируют. Планета сняла пробу, зафиксировала ответную реакцию — хаотичную беготню, всплески кортизола, неупорядоченные электромагнитные импульсы человеческой техники — и теперь калибрует свой инструментарий. А они, сами того не зная, уже стали частью эксперимента.

Глава 2. Споры тишины

Трое суток молчания. База «Гефест-12» затаилась под куполом, словно зверёк, вжавшийся в нору. Тишина стояла такая, что Лина слышала, как шуршит кровь в собственных сонных артериях, и это шуршание, казалось, рифмовалось с вибрацией грунта. Регенераторы гудели ровно, но общий звуковой фон изменился — в нём появилась низкая, почти неслышимая нота, которую микрофоны описывали как стоячую инфразвуковую волну с частотой 0,07 герца. Планета дышала, и её дыхание пронизывало всё.

Лина не спала почти трое суток. Под глазами залегли сиреневые тени, пальцы подрагивали от кофеина и усталости, а во рту поселился металлический привкус, какой бывает после удара током. Она снова и снова проверяла телеметрию — нет, каналы молчали, орбитальный модуль не отвечал даже на широкополосный крик аварийного маяка. Что-то экранировало сигнал, и теперь это «что-то» казалось ей не просто атмосферной аномалией, а продуманным глушением.

Утром четвёртого дня Лина застала Кима за завтраком в неестественной позе: ложка замерла на полпути, глаза остекленели, а губы беззвучно двигались, словно пережёвывали невидимые слова. В обычное время Ким был громогласен, вечно насвистывал прилипчивые мотивы корейских поп-групп и сыпал шутками о некачественных реле. Теперь же он напоминал восковую фигуру. Лина окликнула его дважды, затем тронула за плечо. Он вздрогнул, будто очнулся от гипноза, и виновато улыбнулся:

— Задумался о новом алгоритме сжатия данных. Извини.

Но Лина успела заметить: его зрачки пульсировали — сужались и расширялись с тем же ритмом 0,07 герца.

В биолaborатории Сато встретил её с лихорадочным блеском в глазах. Его красный шарф, который он не снимал даже в душе, был наспех обмотан вокруг шеи, а на тыльной стороне ладони виднелся след от ногтя — он расцарапал кожу, не заметив. Сато позвал Лину к микроскопу:

— Смотри. Это невероятно. Споры из четвёртого рециркулятора, экспозиция с культурой нейронов гиппокампа — четвёртые сутки.

На голографическом дисплее развернулась картина, от которой у Лины перехватило дыхание. Крошечные, похожие на звёздочки споры прикрепились к нейронам и выпустили тончайшие, переливающиеся фибриллы. Эти фибриллы прорастали вдоль аксонов и дендритов, окутывая их белковой сетью и формируя дополнительные контакты — искусственные синапсы. Более того, в точках контакта наблюдался активный везикулярный транспорт: споры словно впрыскивали в нейроны молекулярные послания, заставляя их генерировать импульсы в ритме, синхронном с пульсацией всей планетарной грибницы.

— Это не просто токсичность, — возбуждённо затараторил Сато. — Это интеграция! Планетарный нейроинтерфейс, Лина! Мы наблюдаем рождение гибридного сознания!

Лина оторвалась от экрана, чувствуя, как холод поднимается откуда-то из живота.

— Сато, это не симбиоз. Это контролируемое перепрошивка. Они строят дополнительные цепи в нашем мозге. Делают нас частью своей сети.

Сато нахмурился, но промолчал. Его пальцы, лежащие на клавиатуре, чуть заметно подрагивали в ритме 0,07 герца.

Лина инициировала экстренное сканирование мозга всех членов экипажа. Благо, на борту имелся компактный диффузионно-тензорный томограф, способный картировать тракты белого вещества. Результаты она изучала, закусив губу. У Кима и Васкеса в гиппокампе и префронтальной коре выявились чёткие микроочаги повышенной анизотропии — участки, где аксоны ветвились аномально, образуя плотные кластеры, насыщенные чужеродным белком. У самой Лины и Сато тоже нашлись инфильтраты, но на порядок меньше. Биохимический анализ крови показал наличие спороподобных частиц, циркулирующих в лимфе, — они проникали через гематоэнцефалический барьер, используя неизвестный механизм мимикрии под транспортные везикулы.

— Мы уже инфицированы, — прошептала Лина, и слово «инфицированы» прозвучало приговором. — Все. Разница лишь в стадии.

Ночью разразился первый явный кризис. Васкес, спавший в своей каюте, вдруг запел — не словами, а математически точной последовательностью тонов, которые записывающая аппаратура идентифицировала как частотно-модулированный сигнал. Лина вбежала, включила свет. Васкес сидел на койке с широко открытыми глазами и блаженной улыбкой, его губы двигались, а из горла вырывались звуки, похожие на пение китов, только ритмизованные в инфразвуковом диапазоне. Она схватила его за плечи, встряхнула:

— Мигель! Очнись!

Он сфокусировал взгляд не сразу, будто его сознание возвращалось откуда-то издалека.

— Лина... — голос был чужим, обволакивающим. — Я видел, как растут горы. Я чувствовал, как движется магма под нами. Это так... спокойно.

Он говорил, а его правая рука тем временем чертила на простыне контур — точную, до миллиметра, карту близлежащего разлома, который они ещё не нанесли в базу данных. Лина зафиксировала это на планшет, и позже сличение подтвердило: разлом существует, и он совпадает с одной из ветвей мицелиального «кабеля». Ассимиляция передавала не только контроль, но и информацию. Планета превращала людей в живые сенсоры и ретрансляторы.

На утреннем Совете Лина выложила данные. Ким сидел, обхватив голову руками, Васкес — с отсутствующим видом поглаживал край стола. Сато выслушал и вдруг ударил кулаком по подлокотнику:

— Вы не понимаете! Это не заражение, это контакт! Впервые в истории мы можем поговорить с иным разумом не через радиоволны, а напрямую, нейрон к нейрону! Если мы сейчас всё заблокируем, то предадим науку, предадим всё человечество!

Лина посмотрела на него тяжело:

— Ты готов стать нейроном, который даже не будет осознавать, что он всего лишь часть схемы? Ты хочешь потерять «я» ради того, чтобы чужой разум использовал тебя как транзистор?

— А что такое наше «я»? — тихо спросил Сато. — Может, это иллюзия, от которой пора отказаться ради подлинного единства?

Лина поняла: ассимиляция перестроила его аксиологию. Споры не просто добавляли синапсы, они модулировали выработку нейромедиаторов, смещая систему ценностей в сторону альтруистического слияния с «целым». Это был гениальный эволюционный механизм: жертва сама стремилась стать частью сети, считая это высшим благом.

Не трата больше слов, Лина объявила чрезвычайный протокол. Она вместе с Кимом (пока ещё способным к критическому мышлению) установила в жилых модулях генераторы слабых электромагнитных полей, настроенных на частоты, которые, согласно её расчётам, мешали белковой кристаллизации фибрилл. Сато попытался демонтировать один из генераторов, но Ким, преодолевая нарастающую апатию, удержал его. Васкес просто сидел и улыбался, глядя в потолок.

Оставшись ночью одна в лаборатории, Лина собрала последние данные сейсмографов и тепловизоров в единую модель. Она наложила карту мицелия на карту геотермальных градиентов, тектонических разломов и залежей проводящих минералов — пирита, магнетита, графита. То, что получилось, заставило её отшатнуться от экрана. Все эти элементы складывались в исполинскую трёхмерную нейросеть, дублирующую архитектуру мозга, но растянутую на тысячи километров. Разломы служили аксонами, мицелиальные жгуты — синапсами, а температурные градиенты задавали веса связей, как в искусственных нейросетях. И в центре этой сети, прямо под станцией, находился узел с колоссальной вычислительной плотностью. Планета не просто вычисляла. Она мыслила. А люди стали её кратковременной памятью.

Лина вдруг осознала: тепловая аномалия под базой усилилась ровно в тот момент, когда Васкес запел. Тогда же сейсмографы зафиксировали короткий, но мощный импульс вдоль одного из разломов — словно сеть послала запрос в другие узлы, приняв человеческий мозг за сопроцессор. Осознание ударило, как разряд: это не пассивное заражение. Планета активно использовала их когнитивные ресурсы для собственных геологических вычислений. И чем больше люди думали, анализировали, чувствовали — тем быстрее росла сеть у них в головах.

Глава завершалась тем, что Лина, глядя на пульсирующие данные, прошептала:

— Мы не гости. Мы — программные модули, которые она загружает в свою операционную систему.

И в этот момент генераторы электромагнитного поля на секунду мигнули, сбившись с частоты. По экрану пробежала рябь. Где-то на краю сознания Лина ощутила чужое присутствие — не мысль, не голос, а безмолвный вопрос, исходящий от камня, воздуха и собственного мозга одновременно: «Кто вы?»

Глава 3. Голос в камне

Безмолвный вопрос висел в сознании Лины, как послезвучие колокола, в который ударили под водой. «Кто вы?» — не слова, не голос, а какое-то глубинное смещение смысла, родившееся одновременно в коре её мозга и в коре планеты. Она потёрла виски, ощущая, как под пальцами пульсируют сосуды в ритме 0,07 герца. Собственное тело становилось камертоном чужого разума.

«Если сеть спрашивает, она способна интерпретировать ответ, — думала Лина, лихорадочно прогоняя сквозь пальцы пряди волос. — Молчание — это приговор. Или признание себя объектом, а не субъектом».

Она склонилась над терминалом и вывела сейсмическую томографию высокого разрешения. Разлом, проходящий под базой, был настоящим геологическим чудом: вертикальная трещина в литосфере шириной около тридцати метров, уходящая вглубь минимум на сорок километров. Внутри неё, как нерв внутри позвоночного канала, располагался мицелиальный жгут, окружённый оболочкой из пьезоэлектрического кварца. Эволюция — или проект — создали идеальный преобразователь: механическое колебание кварца порождало электрический импульс, который мицелий, как оптоволокно, передавал на колоссальные расстояния. Сейсмические волны были для этой сети не помехами, а языком. Оставалось лишь заговорить на нём.

Идея созрела за час. Контролируемые взрывы маломощных зарядов вдоль разлома, с шагом в двести метров, создадут серию сейсмических импульсов. Каждый взрыв будет единицей, пауза — нулём. Двоичный код, уходящий прямо в «спинной мозг» планеты. Лина выбрала послание с почти ритуальной тщательностью: сначала последовательность Фибоначчи — маркер разумного источника; затем координаты Солнца в системе пульсарной навигации; и в конце — антропный автопортрет: закодированное в частотных модуляциях изображение человека с поднятыми руками. Не угроза, но заявление: «Мы такие. Мы существуем отдельно».

Сато вошёл, когда она заканчивала расчёты. Он не постучал — просто толкнул дверь так, что та ударилась о стену. Красный шарф, его бессменный талисман, был сорван, сжат в кулаке. Под глазами залегли тёмные круги.

— Ты собираешься бомбить разумное существо, — произнёс он глухо. — Ты хоть понимаешь, насколько это... архаично? Мы пришли изучать, а не разрушать. Если сеть воспримет вибрации как атаку, она ответит — и у неё в распоряжении тектоника, климат, атмосфера. Она нас распылит.

— Сато, она уже нас переписывает. — Лина развернулась к нему вместе с креслом, голос дрожал от сдерживаемого напряжения. — Твои зрочки, мой тремор, песни Вискеса — это не контакт, это колонизация. Единственный способ прекратить ассимиляцию — показать, что мы не просто биоматериал. Что у нас есть намерение, воля, язык.

— А если её ответ — уничтожение?

— Тогда мы умрём людьми, а не геологическими органеллами.

Сато замолчал. В его глазах плескалось сложное чувство — смесь научного азарта, страха и чего-то ещё, что Лина не могла распознать. Возможно, той самой тяги к слиянию, которую споры внедряли в лимбическую систему. Он резко повернулся и вышел, бросив через плечо:

— Делай что хочешь. Я не участвую.

Ким, напротив, вызвался помочь. Его состояние было странным: периоды полной отрешённости, когда он застывал, глядя в пустоту, сменялись всплесками почти маниакальной активности. Именно в такой момент он пришёл к Лине и сухим, деловым тоном предложил оптимальную схему размещения зарядов. Он работал быстро, без эмоций, и в этой механической точности было что-то жуткое — словно его профессиональные навыки оставались последним островком личности в море чужого присутствия.

Васкес сидел в углу лаборатории, водя пальцем по стене. Он больше не отвечал на прямые вопросы, лишь чертил линии — одну за другой. Приглядевшись, Лина узнала очертания разломов, которые они ещё не картографировали. Он создавал точную геологическую карту, не имея доступа к данным. Просто потому, что сеть транслировала их через него. Когда Лина проходила мимо с ящиком детонаторов, Васкес вдруг поднял голову. Его глаза были ясными, осмысленными — такими, какими она не видела их уже несколько дней.

— Они ждут, — произнёс он спокойно. — Они знают, что вы хотите говорить. Они хотят, чтобы вы назвали их.

— Назвать? — Лина замерла. — Что это значит?

— Имя создаёт границу. Безымянное нельзя отделить от себя. Названное — становится «тобой».

Он улыбнулся, и от этой улыбки повеяло холодом чуждой мудрости, после чего снова отвернулся к стене и продолжил чертить.

Слова Васкеса эхом звучали в голове Лины, пока она и Ким закладывали заряды. Пять детонационных пакетов, помеченных лазерными маяками, выстроились вдоль разлома неровной, но точно рассчитанной линией. Каждый заряд был соединён с пультом управления оптоволоком — на случай, если радиосигнал заглушат.

К вечеру небо затянуло странными перламутровыми облаками. Ветра не было. Тишина стояла такая, что Лина слышала, как скрипят суставы собственных пальцев, когда она сжимала пульт. Сато стоял в дальнем углу модуля, отвернувшись, но то и дело бросал короткие, напряжённые взгляды. Ким замер у контрольной панели сейсмографов. Васкес в своей каюте тихо напевал всё ту же инфразвуковую мелодию.

— Первый, — выдохнула Лина и нажала кнопку.

Взрыв ударил не столько в уши, сколько в грудную клетку — глубокий, утробный толчок, от которого рёбра завибрировали, как деки. Земля под ногами ушла вниз на миллиметр и вернулась. Сейсмографы зафиксировали мощную продольную волну, которая рванулась вдоль разлома, словно ток по оголённому нерву. Датчики на кварцевых жилах показали мгновенный электрический отклик — импульс ушёл в мицелий.

— Второй.

Ещё один удар, теперь более резкий, словно молотом по наковальне. Лина чувствовала его зубами, позвоночником, всем телом.

— Третий... Четвёртый... Пятый.

Последовательность ушла в планету. Пять ударов, пять битов, несущих простейшее послание разума, вознамерившегося заявить о себе. Лина замерла, вцепившись в пульт.

Секунды тянулись, как смола. Тишина. Только ветер, внезапно поднявшийся над равниной. Только стук её собственного сердца.

А потом планета ответила.

Сначала изменился цвет неба — перламутровые облака налились зеленоватым свечением, словно кто-то включил гигантскую лампу за горизонтом. Затем с равнины начал подниматься туман — густой, клубящийся, но не серый, а бледно-зелёный, фосфоресцирующий. Он стелился над поверхностью, повторяя контуры мицелиальной сети, и повсюду, где он проходил, сухие нити грибницы начинали светиться. Они вспыхивали короткими и длинными импульсами — последовательность, в которой Лина с первого взгляда узнала азбуку Морзе. Но это была не Морзе. Компьютер, захлёбываясь данными, выплюнул декодировку: световые вспышки повторяли числа Фибоначчи в обратном порядке, а затем переходили в сложный частотный паттерн, который при разложении на спектральные составляющие давал трёхмерную структуру.

На голографическом экране возникло изображение. Это не было ни ДНК, ни нейронной сетью, ни чем-то, что Лина видела раньше. Это была фрактальная решётка, уходящая в самоподобную бесконечность, — архитектура, одновременно напоминающая кристалл и живой организм. Каждый узел решётки пульсировал, и пульсация складывалась в ритм, который был гармоникой 0,07 герца, но обогащённой, многомерной.

— Это их информационная структура, — прошептала Лина. — Они показывают нам себя. Отвечают зеркально.

Сато, не выдержав, шагнул к иллюминатору. Его лицо отражало внутреннюю борьбу — учёный в нём ликовал, но человек сжимался от ужаса. Светящийся мицелий манил его, он прижал ладонь к стеклу, и на миг Лине показалось, что нити за стеклом потянулись к его пальцам.

И в этот момент сработали климатические сенсоры. Вокруг базы, радиусом ровно в десять километров, начал формироваться кольцевой атмосферный фронт — стена облаков, замыкающая горизонт в идеальное кольцо. Внутри круга температура упала на пять градусов и стабилизировалась. Снаружи, судя по данным спутниковой метеорологии (чудом ещё работавшей в пассивном режиме), всё оставалось без изменений. База оказалась в центре гигантского атмосферного глаза.

— Она не атакует, — произнесла Лина, глядя на кольцо облаков. — Она изолирует. Как будто говорит: «Я услышала. Теперь я думаю. Ждите».

— Или «Не уходите», — тихо добавил Ким, и в его голосе прозвучала тоска, которая напугала Лину больше, чем любые угрозы.

Ночь опустилась над базой, но тьма не была крошечной. Светящийся мицелий очерчивал ландшафт, как нервная система, нарисованная фосфором. Кольцевой фронт мягко пульсировал, и в этой пульсации считывалась та же частота — 0,07 герца, только теперь она ощущалась не как навязчивый шум, а как ритм ожидания. Лина сидела у терминала, глядя на фрактальную решётку чужого разума, и впервые за долгое время испытывала не ужас, а странное, почти религиозное благоговение.

Они говорили с планетой. И планета ответила. Теперь всё зависело от того, что они скажут дальше.

Глава 4. Зона отчуждения

Пятьдесят часов. Именно столько «Циркуль» — так Лина про себя окрестила кольцевой атмосферный фронт — висел над базой, не сдвинувшись ни на метр. Его граница была настолько резкой, что, стоя на краю посадочной площадки, можно было одной рукой ощущать сухой холод управляемого климата, а другой — естественное тепло планеты. Зеленоватые облака внутри круга постоянно подсвечивались беззвучными электрическими разрядами, напоминающими нейронные импульсы, снятые с гигантского мозга, и Лина физически ощущала, как это свечение давит на сетчатку, оставляя послеобразы даже с закрытыми глазами.

Метеорологические сенсоры рисовали тревожную картину. Альбеда атмосферы внутри «Циркуля» менялось по заданному, явно не случайному закону: облака становились всё более непрозрачными для инфракрасного излучения, создавая парниковый эффект, который программировал суточные колебания температуры. За истекшие двое суток средняя температура поднялась на двенадцать градусов по Цельсию, но по ночам, когда облачный слой истончался, она падала до минус десяти. Планета раскачивала тепловые качели, методично тестируя границы человеческой адаптации, и Лина понимала: это не просто эксперимент. Это дрессировка. Сеть вынуждала их принять решение о перемещении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.